

3: 2001–2012 / pod red. B. Orana. – Stambul: Iletishim Jaynchylyg, 2010. – 885 s. (na tureckom jazyke).

3. Desjatiletija Soveta evroatlanticheskogo partnerstva: Lichnye mysl. – <http://www.nato.int/docu/review/2007/issue2/turkish/art5.html>

4. Jenigiun M. Dzh. VNST i Vneshnjaja politika posle holodnoj vojny: Dokumenty i komentarii. – Ankara: Nobel Basymjevi, 2004. – VI+566 s. (na tureckom jazyke).

5. Kudrjashova Ju. S. Turcija i Evropejskij Sojuz: Istorija, problemy i perspektivy vzaimodejstvija. – M.: Institut Blizhnego Vostoka, 2010. – 364 s.

6. Oguzlu T. NATO i Turcija: Voprosjashhij chlen preobrazovannogo al'jansa // Mezhdunarodnye otnoshenija. – 2012. – T.9, №34. – S.99–124 (na tureckom jazyke).

7. Purtash F. Tjurko–amerikanske voenne otnoshenija v ramkah rasshirenija i preobrazovanija NATO posle holodnoj vojny // Institut Strategicheskijh Issledovanij. Zhurnal Strategii bezopasnosti. – 2005. – №3. – S.7–30 (na tureckom jazyke).

8. Rasshirenie NATO na vostok. – http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/32529/1/1996_1_JILIR_UNO_r.pdf

9. Sever A. NATO budet preodolet' trevozhnost' // Gazeta «Milliet». – 1994. – 09 Janvar' (na tureckom jazyke).

10. Turcija ne prinjala rekomendaciju oborony ES (na tureckom jazyke). – <http://www.hurriyet.com.tr/turkiye-ab-savunmasindandismanligi-kabul-etmedi-39204777>

11. Hikmet Chetin: nash chelovek v Kabule (na tureckom jazyke). – <http://www.nato.int/docu/review/2006/issue2/turkish/interview.html>

12. Chajhan Je., Gjunej N. A. NATO–ES–Turcija. V poiskah novoj sistemy bezopasnosti v Evrope. – Stambul: Afa Jaynchylyg ve TJuSES vakfy, 1996. – 159 s. (na tureckom jazyke).

13. Chajhan Je. Otnoshenija Turcii i ES i tochka zrenija politicheskijh partij na predmet so vcherašnego dnja do segodnjashnego dnja. – Stambul: Bojut kitaplary, 1997. – 447 s. (na tureckom jazyke).

14. Arthur R. Rachwald, «A «Reset» of NATO–Russia Relations: Real or Imaginary?» // European Security. – 2011. – Vol.20, №1. – P.117–126.

15. Gordon P. H. Will Anyone Really Pay to Enlarge NATO – and If So, Who? // The New York Times Magazine. – 1997. – 30 April.

16. Haass R. N. Fatal Distraction: Bill Clinton's Foreign Policy // Foreign Policy. – 1997. – №108. – P.112–123.

17. Hill F., Tashpinar O. Turkey and Russia: Axis of the Excluded? // Survival. – 2006. – Vol.48, №1. – P.81–92.

18. Kennan G. F. NATO Expansion Would Be a Fateful Blunder // The New York Times Magazine. – 1997. – 6 February.

19. Kennedy P. Let's See the Pentagon's Plan for Defending Poland // The Los Angeles Times Magazine. – 1997. – 16 May.

20. Onish Z. Turkey and the Arab Spring: Between Ethics and Self-Interest // Insight Turkey. – 2012. – Vol.14, №3. – P.45–63.

21. Ozdamar O. Security and Military Balance in the Black Sea Region // Sout–east European and Black Sea Studies. – 2010. – Vol.10, №3. – P.344.

22. Turkish overview on Euro–Atlantic Security Questions: Report by NATO Parliamentary Assembly. 12–15.12.2000.

Huseynli H. A., doctoral student at Baku State University (Azerbaijan, Baku), huseynhuseynli@hotmail.com

Turkey's attitude towards NATO's Eastward enlargement

The research attempts to shed lights on the attitudes of Turkey in NATO's extending relations with Eastern Europe. Essentially Turkish rulers give support to the enlargement of NATO, but they had some conditions. The adaptation process should not impair the essential defensive role of NATO and the alliance should continue to be the main defense structure and political consultation forum of the West. The enlargement should be a gradual process and should not be directed to any third country.

Keywords: Turkey, USA, NATO, enlargement, Eastern Europe.

Гусейнлі Г. А., докторант, Бакинський державний університет (Азербайджан, Баку), huseynhuseynli@hotmail.com

Ставлення Туреччини до розширення НАТО на Схід

Дослідження намагається пролити світло на ставлення Туреччини до розширення відносин НАТО з країнами Східної Європи. По суті турецькі правителі надають підтримку розширенню НАТО, але у них були якісь умови. Процес адаптації не повинен погіршувати існуючу захисну роль НАТО і альянс повинен залишатися основною структурою оборони та політичних консультацій форум Заходу. Розширення повинно бути поступовим процесом і не повинні бути спрямовані на будь-якої третьої країну.

Ключові слова: Туреччина, США, НАТО, розширення, Східна Європа.

* * *

УДК 327.56(519.5)

Кан Ден Сик, кандидат політичних наук, доцент кафедри Восточної філології, Київський національний лінгвістический університет, член Консультативного Совета по мирному і демократическому объединению Кореи (Україна, Київ), kme112000@yahoo.com

РЕГИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ КНДР В СВА

Дается характеристика политического состояния КНДР после прихода к власти Ким Чен Уна, серьезные изменения в отношениях между КНР и КНДР, КНДР и Японией. Рассматриваются изменения стратегических планов РК по отношению к Северной Корее, роль и место КНДР в регионе СВА.

Ключевые слова: ядерное оружие, денуклеаризация, подъем Китая, парадоксальность ситуации, изменения отношений КНДР–Япония, КНДР–Китай, нестабильность ситуации, реорганизация порядка, СВА, мирное сосуществование, санкции.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Одним из самых важных условий стабильности международной безопасности в СВА является денуклеаризация и мирное объединение Корейского полуострова. При этом нет никаких гарантий, что исчезнет традиционная суть противостояния в СВА, не приведет к нестабильным изменениям. Причем необходимо учесть также изменения северо-корейско-китайских и северо-корейско-японских отношений, которые произошли за последние годы.

ВВП СВА занимает 23% в мировом развитии экономики, и этот регион стал центром глобального экономического развития, что является лакомым для достижения мира и стабильности во всем мире, международной безопасности. Подъем Китая, неизменный стратегический курс США, проблема объединения Кореи, новая российская дальневосточно-азиатская стратегия, усиление курса на вооружение, взятого Японией, конфликты Китай–Япония, РК–Япония – все это является преобладающими факторами, которые в совокупности усложняют ситуацию в СВА [1, р. 23].

Большинство аналитиков в последнее время говорят о том, что запутанность ситуации в районе СВА настолько усложнилась, что её можно назвать парадоксальной. Огромный интерес вызывает подтекст, заложенный в специфическом, парадоксальном, глубоком изменении, которое происходит в СВА, а также произошли ли изменения в проблеме Корейского полуострова и насколько реальным окажется план его объединения.

Какие же изменения произошли в СВА, что ситуацию называют парадоксальной? Ориентировочно изменения, которые произошли в СВА можно разделить на три аспекта. Во-первых, сближение отношений между Северной Кореей и Японией, о чем свидетельствует два визита премьер-министра Японии в КНДР. Эти визиты можно назвать примером целенаправленного диалога об улучшении дипломатических отношений между двумя странами. Хотя сложно сказать, как сильно и до какой степени продвинутся эти отношения при значительных ростах экономико-торговых отношениях в регионе СВА.

Традиционно, ситуация безопасности в СВА – это прежде всего заслуга США, благодаря которой были созданы южнокорейско-американские и Японско-американские союзы. И если даже РК с Японией не состояли в союзных отношениях для соблюдения порядка и безопасности в СВА, США–РК–Япония тщательно

соблюдали договоренности, имея определенную выгоду в плане безопасности.

В такой ситуации развитие северокорейско-японских отношений приобретает неоднозначное значение и имеет предпосылку к достаточно запутанным предположениям. Конечно, для достижения прогресса в дипломатических отношениях между Северной Кореей и Японией осталось достаточно много камней преткновения. К тому же, несмотря на то, что главная проблема похищения японцев Северной Кореей будет решена, то для Японии вместе с США и РК важны такие меры безопасности, как невозможность отказаться от политики урегулирования проблемы ядерного вооружения Северной Кореи. Таким образом, нет сомнений, что в любой ситуации координация политического альянса РК-Япония-США продолжится.

Тем не менее, вполне очевидно расширение возможностей дипломатических контактов между Северной Кореей и Японией, а также феноменальное изменение их нынешнего положения говорит о том, что Южной Корее нужно по-новому приложить усилия для решения проблем Корейского полуострова.

Во-вторых, признаки изменения нынешней ситуации в СВА Китаем и Северной Кореей постепенно становятся более заметными. Как и в РК, так и в международном сообществе горячо используются аргументы об изменении базовой китайской политики по отношению к КНДР. Некоторые эксперты не признают радикальных изменений в политике Китая по отношению к КНДР и объясняют это тем, что в стратегии Си Дзинь Пина изменения китайско-северокорейских отношений либо временное явление, либо производится с исключительно стратегической целью. Но одновременно с этим возросла роль Китая в экономико-социальной сфере и если китайские национальные интересы потребуют, то вполне возможны кардинальные изменения в китайско-северокорейских отношениях.

С приходом к власти правительства Пак Гын Хе южнокорейско-китайские отношения сблизились. Естественно, когда правительство РК практически подойдет к спорным вопросам для возрождения шестисторонних переговоров, то станет видна разница в подходах правительства РК и Китая. Особенно в вопросах решения ядерной проблемы КНДР. К тому же Китай, который в международном сообществе имеет статус «великой державы», будет ли продолжать закреплять свои позиции на этом же уровне и соблюдать правила, возложенные на него для решения проблемы ядерного вооружения Северной Кореи. В результате все эти вопросы станут главными для урегулирования отношений в СВА.

В-третьих, в регионе СВА исчезнет ли разница интересов в вопросах международной безопасности в структурированном противостоянии в его традиционном значении или же приведет к достаточно запутанным изменениям этого региона. В прошлом, в период биполярного противостояния имело место видимое противостояние, которое началось между американским структурированным альянсом и блоком социалистических стран.

Однако после окончания периода «холодной войны» в отличии от Европы в СВА сохраняется напряженная ситуация. Об этом свидетельствует отчет Nye Initiation, которые опубликовали отчет в середине 1990-х, и отчет

Armitage Report, опубликованный в 2000 г. [2, p. 24]. И лишь только в последнее время начались видимые перемены. Естественно по-прежнему сохраняется различие между демократическими и социалистическими странами, но в последнее время проходят структурные изменения в международных отношениях. Необходимо подчеркнуть, что отношения РК-США, Япония-США не такие тесные как раньше и с точки зрения экономического интереса, влияние Китая на регион резко возросло. США же по-прежнему играет роль регулятора отношений в СВА, когда возникают тяжелые конфликты в отношениях РК-Япония, Япония-Китай. Очевидно, что в ближайшем будущем такая структура международной безопасности в СВА будет активно развиваться. Конечно такая ситуация в конечном счете ведет к сужению дипломатических маневров РК.

Естественно ожидаются постепенные изменения в структуре союзнических соглашений в регионе СВА, но все же эти сложности в отношениях между странами СВА не перейдут определенную черту.

Можно прогнозировать, что ситуация в СВА будет развиваться ещё с большей сложностью, учитывая также такие факторы как продолжающийся подъем Китая с проектом милитаризации Японии и усилия США, которые не могут отказаться от своих доминантных стратегических позиций в СВА, сложная дипломатия России и непредсказуемость Северокорейского политического курса.

Согласно определению президента Пак Гын Хе, ситуация СВА, как парадоксальную экономико-социальную взаимозависимость, не будет легко трансформировать в военно-политическое доверие, поэтому ничего другого не остается, как формировать новые дипломатические отношения определенного уровня. Исходя из вышесказанного, в изменившейся ситуации в СВА РК необходимо учитывать свою возросшую роль на международной арене и выбрать новую стратегию взаимоотношений со странами СВА и прежде всего это относится к политическому курсу относительно Северной Кореи.

Общее мнение по поводу мирного объединения Корейского полуострова является одним из самых важных условий стабильности международной безопасности. Но, тем не менее, неизвестно исчезнет ли традиционная суть противостояния в СВА или противоречие приведет к очень нестабильным изменениям, поэтому правительство Южной Кореи более чем когда-либо нуждается в тонкой дипломатической стратегии. Основываясь на изменениях Северокорейско-японских и Северокорейско-китайских отношений, правительство Пак Гын Хе рассматривает направление о Северо-восточно-азиатском мирном соглашении.

Большинство аналитиков в последнее время говорят о том, что запутанность ситуации в районе Северо-восточной Азии еще более усложнилась. Большой интерес вызывает вопрос, какой подтекст заложен в таком специфическом глубоком изменении северо-восточно-азиатской ситуации, а также изменение проблемы Корейского полуострова и насколько реален и эффективен план объединения.

Особенно в этом году стало ясно, что правительство Южной Кореи, более чем когда-либо подчеркивает стремление к мирному объединению Корейского

полуострова и много раз президент Пак Гын Хе оказывала влияние на незаинтересованные в объединении страны ближнего зарубежья.

Влияние изменения северо–корейско–японских и северо–корейско–китайских отношений сказалось на регионе СВА. Изменение ситуации в Северо–восточной Азии, можно ориентировочно объяснить, соответственно трем аспектам.

Во–первых, возможность перемен в отношениях между Северной Кореей и Японией. Естественно, ранее проведенные два визита японского премьер–министра Коидзуми в Северную Корею послужили предпосылками улучшения дипломатических отношений между двумя странами. Хотя и сложно с уверенностью сказать, как сильно и до какой степени продвинутся дипломатические отношения между Северной Кореей и Японией, но в дальнейшем если значительно улучшится обмен в сфере экономики и торговли, то это может однозначно привести к важным изменениям ситуации во всем регионе Северо–восточной Азии.

Как уже отмечалось прежде, благодаря Корейско–Американскому и Японско–Американскому альянсам даже спустя десятки лет после Корейской войны, Америка играет важную роль в сохранении безопасности региона.

Однако некоторые политологи считают, что реорганизация северо–восточно–азиатского порядка может стать для Южной Кореи новым шансом. Причины, которые открывают шансы для Южной Кореи и позволяют использовать такие изменения, заключаются в следующем. Больше, чем на что либо, нужно обратить внимание на поиск начала распутывания запутанных узлов в решении проблемы объединения Корейского полуострова и важные ключевые аспекты в обеспечении безопасности СВА. Возникшая история разделения Корейского полуострова не только как результат конфликтов и обоюдных противостояний между Северной и Южной Кореей, это вопрос, который требует поддержки и усилия международного сообщества. Несомненно, во всех странах Северо–восточной Азии, с учетом противостояний и конфликтов в истории этого региона на протяжении нескольких десятков лет, необходимо формирование последовательной симпатии в построении культуры мирного сосуществования. В результате чего, практическое стремление к содействию в решении проблемы Корейского полуострова может стать необходимой реальностью.

Если оглянуться назад, после того как основался современный международный порядок в северо–восточно–азиатском регионе, правительство Южной Кореи либо реорганизует территориальный порядок безопасности, либо каждый раз собирая важные изменения, не может завершить установленную роль максимизации государственных интересов. Существует много ситуаций, когда ради достижения собственной выгоды сильная страна ужесточает порядок дипломатической политики, либо же в зависимости от выбора сильных стран данного региона происходит пассивное объединение в уже сформированном порядке. Следовательно, в аспекте практического применения активного импульса изменения порядка стремительно развивающегося региона Северо–восточной Азии, более чем когда–либо нужно устанавливать тонкую дипломатическую

стратегию, особенно в отношении мира на Корейском полуострове и безопасности северо–восточно–азиатского региона, где сосредоточены интересы многих стран.

В плане мирного соглашения северо–восточной Азии, разработанном правительством РК, в котором подчеркивается установление взаимоуважения между странами северо–восточной Азии. Одновременно с этим, нужно альтернативно оценивать имеющейся потенциал ради поиска общих интересов всех стран Северо–восточной Азии.

Трудно предугадать возможность мирного решения Корейской проблемы из–за резких изменений ситуаций в регионе Северо–восточной Азии, ссылаясь только на разносторонние старания корейского правительства. Но вполне очевиден факт, что для подведения итогов конкретных интересов РК нужно тщательно развивать стратегические линии и усилия даже в такой противоречивой ситуации, которая сложилась в настоящее время в регионе СВА.

Естественно немаловажную роль в сохранении мира и безопасности в СВА играет Северная Корея. Совсем недавно Ким Чен Ук отметил 4–х–летие восхождения на «трон» и этот период кратко можно охарактеризовать как период выхода из тени своего отца Ким Чен Ира и утверждение как лидера.

В 2015 и 2016 годах были попытки противостоять критике международного сообщества за нарушение прав человека в КНДР, осуществить внешнеполитический прорыв и провести экономические преобразования. В течении 2014 г. укрепил лидерские позиции, расставил по своим местам трудовую партию Кореи, правительство и армию. После казни Тянь Сен Тхека вместе с секретарем ТПК Цой Рен Хве укрепил позиции партии и вместе с Хван Бен Соком, начальником политотдела армии, усмирил военных и назначил премьер–министром правительства молодого технократа Пак Бон Дзю.

В отношениях между партией, правительством и армией утвердил главенствующую роль партии [3, р. 11]. Таким образом, вернул партию на главенствующую позицию. Многочисленные перестановки в высших эшелонах партии, правительства и армии (до 40%) говорят о том, что за 3 года Ким Чен Ун вышел из тени отца и стал единоличным правителем в стране, добился политической стабильности и относительной внутренней безопасности. И в экономической сфере начался относительный подъем и плюсовой результат. По данным национального банка начиная с 2011 года объем производства показывает прирост. Практически была решена продовольственная проблема, частично перешли на рыночную экономику. В результате упорного целенаправленного труда Ким Чен Ун поменял практически всех руководителей, которые были при Ким Чен Ире, на «своих» людей. Чтобы избежать угрозы военного переворота, поменял почти всех руководителей в армии и поставил партийных функционеров во главе армии. Таким образом, этот период можно охарактеризовать как перестановка сил, выход из тени отца, закрепление единоличной власти и внутривластная стабильность.

Следует подчеркнуть, что на международной арене привлекает внимание изменение внешнеполитического курса Северной Кореи. Если политический курс любой страны резко меняется, то это означает, что на это были серьезные причины. Какие же изменения

произошли и происходят? За последние 15 лет впервые министр иностранных дел Северной Кореи Ли Сун Енг принял участие в генеральной ассамблее ООН, секретарь ЦК по международным вопросам Кан Сок Дзю отправился с визитом в Европу, секретарь ТПК Цой Рён Хе посетил Россию в качестве посла по специальным поручениям. Подобные резкие трансформации свидетельствуют о многовекторности внешнеполитического курса КНДР. Конечно, на это есть причины и в первую очередь они направлены на защиту режима Ким Чен Уна, во вторую очередь освободится от международной критики и санкций, в третью очередь – привлечь иностранные инвестиции.

Причинами изоляции и санкций является следование на протяжении многих лет лозунгам «Мы проживем сами в кругу своей семьи» и, конечно же, не прекращение ракетно-ядерных испытаний в нарушение требованиям международного сообщества. Сегодня постановления Совета Безопасности ООН под номерами 1718, 1874, 2094 являются действительными. К тому же после казни Тянь Сен Тхека и проведения 3, 4, 5 испытаний ядерного оружия, даже Китай, единственная дружеская страна, отвернулась от Северной Кореи и отношения стали более чем холодными. За прошедший 2014 год Северная Корея показала совсем иной внешнеполитический курс. Так уже в начале 2014 г. через официального представителя Комитета Гособороны КНДР заявила о намерении возродить отношения с Южной Кореей, а в феврале 2014 г. председатель высшего народного собрания КНДР Ким Ен Сам принял участие на открытии Сочинской олимпиады. Ясно, что это было сделано для поддержки России, которые тоже попали под санкции и изоляцию. Кроме того Северная Корея приняла участие в международных форумах, в том числе и в ассамблее ООН, форумах неприсоединившихся стран (NAM), нанесла визит в Кувейт, Замбию, Мозамбик, Ливан, Сирию, Мьянму, Лаос, Вьетнам, Индонезию, Сингапур, ближневосточные страны и Россию. Развернули международную кампанию за привлечение иностранных инвесторов. Вкратце можно охарактеризовать курс Северной Кореи как проявление резкой активности внешнеполитического курса.

Однако ведущие политологи, ученые и специалисты, несмотря на такую активность, считают, что Северная Корея особого успеха не добилась. Конечно, немаловажную роль сыграл имидж «неблагополучной страны», где правит диктатор.

Второй особенностью является налаживание отношений Северной Кореи с Японией. Так в мае 2014 г. была организована встреча начальников департамента и объявлено о «стокгольском соглашении», согласно которого Северная Корея пересмотрела список похищенных японцев, а Япония взамен обещала финансовую помощь и смягчение санкций. Подобное сближение можно считать результатом того, что в последнее время резко ухудшились отношения между Японией и Китаем, Японией и РК. А Северная Корея находится в международной изоляции и в тяжелом экономическом положении. За 2014 г. отношения между Северной Кореей и Россией резко активизировались. Вице-премьер-министр России Юрий Трутнев, министр по развитию Дальнего Востока Галушко, постоянный представитель России на шестисторонних переговорах Логвинович, президент Татарстана Минниханов и другие государственные

деятели посетили Северную Корею. Это наибольшее количество визитов российских высокопоставленных лиц в Северную Корею. Высокопоставленные лица Северной Кореи также посетили Россию.

Вместе с тем после официальных церемоний закрепления власти Ким Чен Ун 15 апреля на площади им. Ким Ир Сена на торжественном митинге заявил, что будет продолжать милитаристский курс Ким Чен Ира и что одной из задач партии является улучшение благосостояния народа путем проведения экономических реформ. Таким образом, Ким Чен Ун четко обозначил, что серьезное внимание будет уделено укреплению вооруженных сил и экономическим реформам.

2015 год тоже можно охарактеризовать как год дальнейшего укрепления диктаторского режима Ким Чен Уна. Следует подчеркнуть, какова же форма диктатуры в КНДР. Как указывал Милан Своллик, существует два вида диктатуры: абсолютная (тоталитаризм) и неустановившаяся [4, р. 5]. Относительно же тоталитарного режима Северной Кореи можно сказать, что установлен гибридный диктаторский режим. Хотя во внешней политике КНДР добилась активизации отношений с Россией, Японией и стремились к изменениям на международной арене, но сдвигов не добились. Была очевидна тактика Северной Кореи по отношению с Китаем, то есть стремление сделать холодные отношения более теплыми, получить официальное признание «ядерной державы». Кроме того, похоже на то, что в ближайшее время Северная Корея приложит максимум усилий относительно защиты прав человека, чтобы выйти из критики международного сообщества. Однако, не добившись заметного результата, Северная Корея в 2016 г. дважды провела ядерные испытания и тем самым ещё раз подтвердила, что не собирается отказываться от своего курса милитаризации страны.

Итак, можно сказать, что Северная Корея постепенно выходит из экономического кризиса вследствие проведения частичной реформы экономики, одновременно укрепляет позиции внутри страны, стремится к возрождению отношений с Китаем, Россией и Японией. В отношениях же между Северной и Южной Кореей сдвигов нет. Все эти выводы говорят о том, что в СВА нет стабильности и чрезвычайно сложно прогнозировать ситуацию, но совершенно очевидно, что улучшения отношений с Россией, Японией – это стратегический рычаг, который поможет обратить взор США и Китая на Северную Корею. Таким образом, в последующие годы Севернокорейская дипломатия будет направлена на дальнейшее укрепление власти Ким Чен Уна, активизацию по привлечению иностранной инвестиции, выйти из международной изоляции, нормализации отношений с Южной Кореей, возобновление переговоров с США. Конечно задачей же Южной Кореи является привлечение международного сообщества, чтобы Северная Корея провела реформы и преобразования, стала полноправным членом международного сообщества.

Список использованных источников

1. 통일시대 (Thonil' shide) №97, Seoul. – 2014.
2. 통일시대 (Thonil' shide) №97, Seoul. – 2014.
3. 윤용관. 북한이 오늘 (Yun Yong Kwan. Bukhane onyl'), Seoul. – 2014.
4. Milan Svolik. The Politics of authoritarian rule. – Cambridge University Press, 2012.

Kan Den Sick, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Oriental Studies Department of Kiev National Linguistic University, member of The Advisory Council on Democratic and Peaceful Unification of Korea (Ukraine, Kyiv), kme112000@yahoo.com

The regional role of North Korea in Northeast Asia

This article describes the political status of North Korea after the coming to power of Kim Jong-un, as well as the major changes in the relationship between China and the DPRK, between the DPRK and Japan. There were considered strategic plan changes of the Republic of Korea towards North Korea, was given a characterization of North Korea's role and place in the Northeast Asia region.

Keywords: nuclear weapons, denuclearization, the rise of China, the paradox of the situation, changes in the relationship between North Korea–Japan, North Korea–China, the instability of the situation, reorganizing, the NEA, the peaceful coexistence, sanctions.

Кан Ден Сік, кандидат політичних наук, доцент кафедри Східної філології, Київський національний лінгвістичний університет, член Консультативної Ради з питань мирного та демократичного об'єднання Кореї (Україна, Київ), kme112000@yahoo.com

Регіональна роль КНДР у Північно-західній Азії

Дається характеристика політичного стану КНДР після приходу до влади Кім Чен Уна, серйозні зміни в стосунках між КНР і КНДР, КНДР і Японією. Розглядаються зміни стратегічних планів РК по відношенню до Північної Кореї, роль і місце КНДР в регіоні СВА.

Ключові слова: ядерна зброя, денуклеаризація, підйом Китаю, парадоксальність ситуації, зміни відносин КНДР–Японія, КНДР–Китай, нестабільність ситуації, реорганізація порядку, Північно-західна Азія, мирне співіснування, санкції.

* * *

УДК 94:327:325.2

Марцинюк М. П.,
аспірантка кафедри Дипломатичної та консульської служби, Дипломатична академія України при Міністерстві закордонних справ України (Україна, Київ), martyniuk_m@ukr.net

ІНСТРУМЕНТИ ТА ЗАСОБИ ДЕРЖАВНОЇ ПОЛІТИКИ ЯК ОСНОВА ФОРМУВАННЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛІЗМУ В ПОРТУГАЛІЇ НАПРИКІНЦІ 90–Х – ПОЧАТКУ 2000–Х РОКІВ

Мультикультуралізм або інтеграція культур можуть служити ефективними засобами державної політики та інструментами, які пов'язують іммігрантів і громадян приймаючого суспільства у єдине ціле. Іммігранти, у свою чергу, також можуть стати джерелом конкурентної переваги для країни, якщо вона здійснює ефективну мультикультурну чи інтеграційну політику. Що стосується Португалії, то мультикультурна політика згодом чинно не закріплена у конституції цієї країни, однак у Португалії наприкінці ХХ – початку ХХІ століття ефективно розвиваються різноманітні інституційні засоби і моделі включення іммігрантів у приймаюче суспільство, які знайшли своє відображення у законодавстві Португалії і досліджуються у цій статті.

Ключові слова: мультикультуралізм, державна політика, законодавство, інституційні органи, адаптація іммігрантів.

У міграційній політиці країн Південної Європи і Португалії, зокрема, протягом більшої частини ХХ століття домінувала її еміграційна складова, в той час як імміграційний компонент був практично відсутній. Однак із зміною спрямованості міграційних потоків, ці країни зіткнулися із проблемою відсутності будь-якої політики відбору, прийому і розміщення іммігрантів на своїй території, так само, як і досвіду комунікації приймаючого суспільства з іммігрантами.

Ще однією особливістю португальської імміграційної політики є те, що її розробка і реалізація відбувалися вже після того, як певні міграційні процеси склалися самостійно, а у деяких площинах стихійно, без контролю з боку приймаючої іммігрантів країни і країн їх походження. Фактично, таку імміграційну політику Португалії, скоріше, можна назвати наздоганяючою, ніж випереджаючою.

На початку 90–х і упродовж усіх 2000–х років португальська імміграційна політика, як і політика інших країн регіону, мала постійну тенденцію до розвитку. Причини цього зрозумілі – країни намагалися захистити власне суспільство від великої кількості іммігрантів. Наслідком такої політики стала необхідність легалізувати значну кількість нелегальних іммігрантів. Три кампанії з легалізації, які були проведені у Португалії в 1992–1993, 1996 і 2001 роках дозволили легалізувати свій статус приблизно 230 тисячам іноземців. При цьому, в результаті останньої, найбільшої з них, в країні було легалізовано 1,701 тисяча трудових іммігрантів [1].

Португальське суспільство стрімко розширювалось, вбираючи у себе представників суміжних і зовсім несхожих із нею культур. І хоча імміграційна політика Португалії будувалася методом проб і помилок, вона сформувала ряд ефективних механізмів роботи з імміграційними потоками, в тому числі і у здійсненні нею заходів із адаптації іммігрантів у мультикультурному середовищі.

В умовах сучасного демократичного суспільства, заснованого на ліберальній і мультикультурній традиції, існують інструменти, які дозволяють забезпечити ефективну взаємодію приймаючого суспільства з іммігрантами і Португалія підтвердила це. Адаптація таких інструментів в українську імміграційну політику може зробити її більш ефективною, а португальський досвід стати позитивним прикладом того, як це можна зробити без шкоди як для приймаючого суспільства, так і для самих іммігрантів.

Мультикультурна політика Португалії (історичний вимір).

У Португалію мультикультуралізм прийшов із надлишковою імміграцією, а не від свідомого рішення влади сприяти культурній різноманітності у рамках постколоніального періоду падіння диктатури 1975–1986 років, необхідності підлаштуватися під норм Європейського Союзу у 1986–2006 роках чи інтегруватися у мультикультурне середовище ЄС, надаючи рівні права усім представленим у ньому націям у 2006–2012 роках.

Мультикультуралізм у Португалію прийшов із іммігрантами, які заповнювали суспільство, розширюючи його у своїх культурних і соціальних рамках. Загалом, у кожен період, прояви мультикультуралізму як тенденції у здійсненні імміграційної політики Португалії, мали свої особливості.

У 1975 році, коли відбулося падіння диктаторського режиму, кількість португальськомовних громадян колишніх колоній у Португалії почала невпинно збільшуватись. З кожним роком питання соціальної згуртованості для Португалії ставало все більш і більш актуальним. Ключовими поняттями у цьому контексті стали поняття різноманітності і багатонаціональності із наявністю формальної схожості, як то мова, культура, звичаї.

Португалія переживала зміни у процесі переходу від країни еміграції до країни імміграції, що відображалися на специфіці формування мультикультурного суспільства. Вони продовжувались і після падіння колоніального режиму наприкінці 70–х років, і після вступу Португалії у Європейський Союз у 1986 році.

У цьому процесі, нового соціально-політичного значення набуло питання мультикультурності. Мульти-